

МУРЗА СЮНЧАЛЕЙ ЯНГАЛЫЧЕВЪ

(Одинъ изъ дѣятелей смутнаго времени)

I

Родоначальникъ существующей до нынѣ на Руси фамилии князей Янгалычевыхъ, мурза Сюнчалей Янгалычевъ или, какъ его часто переименовываютъ грамоты русскія, Канкычевъ, приходился внукомъ извѣстному въ исторіи Россіи Кабардинскому князю Темрюку Айдаровичу, дочь котораго Гуаши, нареченная во св. крещеніи Маріей, была второй супругой (съ 1561 по 1569 г.) царя Іоанна Васильевича Грознаго. Впервые имя его упоминается въ царской грамотѣ 1588 г. на имя „черкаскія земли начальника“, князя Камбулата Айдаровича¹⁾. князей Домонука Темрюковича, Очигана Камбулатовича, Ильбуздука Битуевича, Онзарука и Сюнчалей Канкычевыхъ. Битемрюка и прочихъ „Кабардинскія земли князей и мурзъ“²⁾. — изъ чего можно заключить, что мурза Сюнчалей считался уже въ ту пору однимъ изъ вліятельныхъ лицъ среди тамошнихъ владѣльцевъ.

Грамота была дана прибывшимъ въ Январѣ этого года „къ Москвѣ“ депутатамъ князю Мамстрюку Айдаровичу и мурзѣ Куденску³⁾, которые били челомъ царю Феодору, чтобъ онъ „взялъ ихъ подъ свою высокую руку“, держалъ въ оборонѣ отъ недруговъ, „какъ ихъ держалъ отецъ его“, и велѣлъ бы на Терекѣ городъ поставить, а они

¹⁾ Родного брата кн. Темрюка.

²⁾ Москов. Архивъ Иностр. дѣлъ; Кабардинская грамота № 2.

³⁾ Куденекъ Камбулатовичъ, впоследствии князь, родоначальникъ нынѣ существующей въ Большой Кабардѣ фамилии князей Куденковыхъ, имѣлъ также большое вліяніе на своихъ родичей въ эпоху смутнаго времени.

учнуть служить всякія государевы службы и къ Крымскому, Турскому и Шевкальскому¹⁾ не пристануть“. И царь „пожаловаль“ ихъ, не страшась угрозъ со стороны Крымскаго и Турецкаго дворовъ, повелѣлъ построить не одинъ, а два города для защиты „исконныхъ холопей“ своихъ: первый на правомъ рукавѣ Терека—Тюменгъ при впаденіи его въ Каспійское море, а другой на устьѣ р. Сунжи. И какъ впоследствии султанъ Муратъ не добивался уничтоженія ихъ, желаніе его не было исполнено²⁾. Россія стала твердой ногой на Кавказѣ, распространяя все больше и больше свое вліяніе на окружающія туземныя племена.

Съ этихъ поръ Кабардинскіе князья и мурзы съ своими узденями служатъ, попеременно, въ Теркахъ, гдѣ образовалась даже особая слобода служилыхъ черкесъ, рядомъ съ другой такой же слободой—окоцкихъ татаръ³⁾. Командовалъ этими черкесами мурза Сюнчалей, который въ 1603 году ѣздилъ въ Москву къ Борису Годунову „бити челомъ, чтобъ его царь пожаловаль, велѣлъ ему жити въ Терскомъ городѣ“⁴⁾. Съ нимъ вмѣстѣ прибыли туда девять узденей отъ Кабардинскихъ князей Шолоха и Казыя Шептуковыхъ, которые свидѣтельствовали царю Борису о вѣрности своего народа русскому престолу. Государь милостиво принялъ прибывшихъ изъ далека подданныхъ, обласкалъ ихъ и отпустилъ на родину съ богатыми подарками.

Подъ благоразумнымъ руководствомъ Сюнчалей, Кабардинцы не на словахъ только, но и на дѣлѣ доказали вскорѣ преданность свою Россіи.

Когда, два года спустя, цѣною тысячи жизней, измѣнически завладѣлъ царствомъ Московскимъ первый самозванецъ мурза

1) Т. е. Шамхала Тарковского. владѣнія коего съ г. Тарки находились въ нынѣшнемъ Дагестанѣ.

2) Первый изъ этихъ городовъ именуется въ грамотахъ то Теркой, то Терскимъ, то Тюменскимъ городомъ, второй числится подъ названіемъ Супжинскаго острога. Какъ указываютъ документы Московск. архива М—ва иностр. дѣлъ, существовали русскіе города на Кавказѣ и прежде указаннаго времени. Самымъ раннимъ считается Терскій городъ, построенный въ 1563 году, по челобитью кн. Темрюка, который, вслѣдствіе настойчивыхъ требованій султана Селима и Крымск. хана Девлетъ-Гирея, срытъ въ 1571 году. Устроенный на р. Сунжи воеводой Лукьяномъ Новосильцевымъ въ 1577 г. другой городъ Терка уничтоженъ, также по требованію Крымскаго двора, въ 1580 году.

3) Памятники диплом. и торгов. сношеній съ Персіей, т. II, стр. 147.

4) Москов. архив. Иностр. д. Кабардинск. столбцы за 1603 г. № 1 и 2. Экстрактъ 1550—1748 г.г.

Сюнчалей (снова 12 Ноября 1605 года) прибылъ въ Москву „съ поздравленіемъ Лжедмитрія о принятіи Россійскаго престола“¹⁾. Его сопровождали 10 узденій, Окуцкій мурза Батой Шихмурзинъ съ 6 товарищами, двое черкашениновъ и терскій новокрещенъ Максима.

Однако, подъ давленіемъ, очевидно, польскихъ вельможъ, „Государь, *цесарь* и великій князь Димитрій Ивановичъ“, хотя и оказалъ имъ гордо, съ достоинствомъ восточнаго деспота, ласковый пріемъ, но вмѣсто цѣнныхъ подарковъ—серебряныхъ кубковъ, „золотныхъ“ бархатовъ и дорогихъ соболей, какими жаловали туземныхъ пословъ прежніе цари, „Декабря въ 12 день повелѣлъ наградить“ лишь шубами, шапками, сукнами и камками, приказавъ отправить такія же награжденія прочимъ „Кабардинскимъ, Черкасскимъ, Кумыцкимъ и другимъ тамошнимъ князьямъ и мурзамъ“.

Не успѣло, кажется, посольство это возвратиться на Терекъ, какъ тамъ открылось недовольство среди русскихъ служилыхъ людей противъ царскихъ воеводъ. Возмутились жившіе въ г. Теркѣ такъ называемые „жилицкіе“ казаки, присланные туда на сторожевую службу изъ другихъ городовъ²⁾. Не получая, какъ и прочіе чины, около года положеннаго жалованья, задержаннаго, повидимому, московской „заворохой“ послѣднихъ лѣтъ³⁾ они, собравшись въ числѣ 300 человекъ, хотѣли итти на Астрахань, чтобы „рафомить“ тамошнихъ воеводъ, которые не разъ „великою оплошкою и нерадѣніемъ на Теркѣ государевымъ людямъ нужду великую учиняли“. Но потомъ, уговорившись съ атаманомъ

1) Тамъ же. Кабарл. дѣла 1605 г. № 1.—Въ это время онъ именуется „Петромъ-Сюнчалеемъ Янгалычевымъ“, изъ чего можно заключить, что мурза былъ крещенъ; хотя грамоты позднѣйшаго періода попрежнему называютъ его „Сюнчалеемъ Янгалычевичемъ“.

2) По словамъ проф. С. О. Платонова („Очерки смуты въ Московск. государствѣ“, стр. 311), это былъ обычный подборъ случайныхъ товарищей „гулящихъ людей“, которыхъ въ Астрахани вербовали на государеву службу и, обезпечивая ихъ денежнымъ жалованьемъ, „кормомъ“ и „запасомъ“, посылали въ дальнія послышки“. Но съ такимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться, потому что жившіе въ Теркѣ казаки имѣли определенное устройство, подобное стрѣлцкимъ приказамъ, извѣстную цѣль, имѣли тамъ свою особую слободу, и какъ казаки городовые или бѣломѣстные, пользовались угодьями и рыбными ловлями.

3) Какъ видно по дѣлу Моск. архива Иностр. дѣлъ за 1605 г. № 1, Мурзѣ Сюнчалею съ черкесами, окочанами и новокрещенами, по ихъ челобитью, выдано было жалованье за 1604 годъ терскимъ воеводой. Безъ сомнѣнія получили его за то же время казаки. Но послѣ того Сюнчалей не получалъ его 9 лѣтъ, начиная съ 1605 по 1614 г. (см. грамоту ему отъ 10—17 іюня 1614 г. № 6). Значитъ, и казакамъ до начала задуманнаго ими возмущенія не было выдано жалованья только за одинъ 1605 годъ.

своимъ Болдыринымъ „опричь всего войска“¹⁾, „тайно“ рѣшили поставить во главѣ мятежнаго отряда измышленнаго ими самозванца, Илейку-Муромца, назвавъ его именемъ несуществующаго сына царя Ѳедора Іоанновича, царевичемъ Петромъ, съ цѣлью, видимо, имѣть болѣе вѣрный успѣхъ въ задуманномъ ими предпріятіи.

Конечно, въ г. Теркѣ они не могли никакъ проявить своихъ „воровскихъ“ дѣйствій, ибо, кромѣ нихъ, тамъ отправляли государеву службу дворяне, дѣти боярскіе, стрѣльцы и другіе туземные служилые люди, только что передъ тѣмъ присягнувшіе первому самозванцу, какъ и остальные обитатели Россіи.

Съѣхавшись на одномъ изъ Каспійскихъ острововъ, повидимому, Чеченскомъ, лежащемъ недалеко отъ Терскихъ береговъ, мятежники ринулись на утлыхъ челнахъ къ устьямъ р. Волги, чтобы, соединившись съ тамошними казаками, итти на разгромъ Москвы для сверженія съ престола Лжедмитрія.

Оставшіеся въ Теркѣ астраханскіе стрѣльцы упорно продолжали сохранять вѣрность первому самозванцу даже тогда, когда въ 1606 г. вступилъ на престолъ царь Василій Ивановичъ Шуйскій, отказавшись присягнуть ему. Дерзость ихъ дошла до того, что, когда прибывшій изъ Казани на „годовую службу“, стрѣлецкій голова Василій Хохловъ, съ своимъ „приказомъ“, сталъ уговаривать ихъ подчиниться вновь избранному государю, они схватили его вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ, долго мучили и, ограбивъ до нага, посадили въ тюрьму, гдѣ онъ просидѣлъ полтора года²⁾. Измѣнники присмирѣли только послѣ того, какъ до нихъ дошла вѣсть о пораженіи подъ г. Тулой отряда мнимаго царевича Петра. По необходимости, въ началѣ 1607 года, должны были они принести, вмѣстѣ съ мятежниками Астрахани, повинную, и „царю Василю крестъ цѣловали“³⁾.

Какъ можно судить по фактамъ, не принимали никакого участія въ всеобщемъ замѣшательствѣ лишь жившіе у „Гребеней“, близъ „Теплой“ рѣки „вольные“ казаки, также именовавшіеся „Терскими“,

¹⁾ Конечно, не всего „казацкаго“ войска, какъ доселѣ старались увѣрять нѣкоторые наши историки, а лишь того войска, которое находилось въ Теркахъ, ибо въ то время ни жилецкіе, ни терскіе „вольны“ казаки на Кавказѣ, особаго войска не составляли, а жили станицами, у каждой изъ которой былъ свой атаманъ.

²⁾ Московск. арх. Иностр. дѣл. Персидскіе столбцы 1614 г. № 2.

³⁾ Акты Археограф. Экспедиціи, т. II, № 72.

окочане да руководимые мурзой Сюнчалеемъ и княземъ Солохомъ кабардинцы. Въ 1609 году послѣдній даже отправилъ въ Москву своего посланника Кардана Яндарукова бить челомъ царю Василю о своей и народа своего вѣрности. Но ему не удалось видѣть царскія „пре-свѣтлыя“ очи. Въ то время Москву окружали мятежныя войска второго самозванца, находившагося въ с. Тушинѣ (въ 12 верс. отъ столицы), преграждая путь туда и оттуда всѣмъ проѣзжимъ и прохожимъ. Подъ Тулой воровскіе казаки перехватили его, ограбили, отняли у него грамоты отъ князя Солоха и отвели къ Джемитрію. Только послѣ убійства самозванца въ Калугѣ, Карданъ получилъ свободу и явился къ воеводѣ Прокопію Ляпунову, который отослалъ его въ Казань. Болѣе трехъ лѣтъ пришлось пробыть тамъ ему, когда, по вступленіи на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова, воевода князь Иванъ Михайл. Воротынскій отослалъ его въ Москву. Юный царь съ почетомъ и ласкою принялъ такъ много пострадавшаго за свою вѣрность русскому престолу кабардинскаго посла и въ Сентябрѣ 1615 года отпустилъ его въ „Черкаскую землю“ съ подарками и милостивымъ словомъ князю Солоху и прочимъ владѣльцамъ*).

II.

Съ воцареніемъ на Руси юнаго отпрыска древняго боярскаго рода, хотя водворилось спокойствіе внутри Московскаго государства и прекратились въ центральныхъ областяхъ грабежи, разбои, убійства и враждебныя бѣдствія мятежныхъ шаекъ, но окраины продолжали еще волноваться. Особенно было неспокойно въ низовьяхъ р. Волги, да на отдаленномъ Терекѣ. Бѣжавшій съ толпой воровскихъ казаковъ въ г. Астрахань бывший воевода русскій Иванъ Дмитріевъ Заруцкій мечталъ объединить этотъ съ разнородными обитателями край подъ десницей вдовы перваго самозванца Марины Мнишекъ. Древняя татарская столица какъ разъ тому благопріятствовала.

Находясь на границѣ Европы съ Азіей и на узлѣ двухъ дорогъ, водной и сухопутной, чрезъ которыя въ былые годы проходилъ единственный путь на Кавказъ, Персію, Среднеазиатскія ханства и даже въ Турцію, городъ этотъ, благодаря своимъ природнымъ богатствамъ, съ давнихъ поръ привлекалъ къ себѣ и голытьбу и трудовой людъ для легкаго прокормленія и алкавшихъ обильной наживы купцовъ и промышленниковъ. Омывавшая высокія стѣны его кремля многоводная

*) Моск. арх. Иностр. д. Стол. Кабардинск. 1614 г. № 4.

Волга давала полный просторъ широкому разгулу и прибыльному труду людей всякихъ званій и всевозможныхъ промысловъ. Для всѣхъ здѣсь находилось и дѣло и раздолье. Неудивительно поэтому, если тамъ постоянно гнѣздились такіе люди, которые, при малѣйшей вепышкѣ, готовы были браться за дубины и ножи, чтобы кинуться на тѣхъ, которыхъ указывалъ грабить явившійся предводитель.

Съ самыхъ первыхъ дней своего подчиненія Московскому государству Астрахань является ристалищемъ междоусобій и кровавой рѣзни. Многія лѣтописи рассказываютъ о томъ, какъ туда не разъ посылались увѣщательныя грамоты, а для наказанія не въ мѣру расходившихся „удалыхъ“ казаковъ, грабившихъ „по часту“ не только торговые караваны, но и царскихъ пословъ,—отряды правительственныхъ войскъ.

Безъ сомнѣнія, Заруцкій и Марина знали о столь выгодномъ положеніи этого отдаленнаго отъ Москвы города. Не добившись своими мятежными дѣйствіями силы и власти внутри Россіи, они кинулись осенью 1613 года сюда, надѣясь съ помощію преданныхъ первому самозванцу казаковъ: Астраханскихъ, Волжскихъ, Терскихъ и Яицкихъ, и также постоянно волновавшихся стрѣльцовъ возвратитъ сыну Лжедмитрія утраченныя „царственныя“ права.

Прибывши въ татарскую столицу, Заруцкій тотчасъ же разослалъ, отъ имени „царицы“ Марины и малолѣтняго „царевича“, по окружнымъ поселеніямъ грамоты съ требованіемъ покорности ей и ея сыну, обѣщая за то „много царскаго жалованья и милостиваго награжденія“. Въ грамотахъ этихъ онъ называлъ себя мужемъ Марины; вслѣдствіе чего многіе простолюдины признавали и его царемъ. Очевидно, думали послѣдніе: „кто же моль можетъ быть „супругомъ царицы“, какъ не самъ царь?“ И поэтому въ подаваемыхъ ему челобитныхъ писали зануганные и стѣсненные люди: „Царю Дмитрію Ивановичу“.

Однако ожиданія мятежнаго предводителя не совсѣмъ оправдались. На его заманчивыя обѣщанія сдались скоро лишь туземныя орды, всегда притекавшія туда, гдѣ пахло кровью и добычей. Кочевавшій по степи около р. Терека Ногайскій князь Иштерегъ съ мурзами и улусами, Юртовскіе и Янараслановскіе татары *). „да Тинмаметевы

*) Не лишнимъ будетъ замѣтить, что С. М. Соловьевъ, при описаніи дѣйствій Заруцкаго въ Астрахани, всюду (въ Исторіи Россіи т. IX, гл. I) называетъ ихъ Джанараслановскими, а ихъ предводителя Джонъ-Арасланомъ, тогда какъ въ грамотѣ и подлинныхъ документахъ Глав. Моск. архива Ин. д. послѣдній именуется вездѣ Янарасланомъ.

дѣти—Янмаметь и Урачи, и дѣти Батыревы—Кази, Агъ и Курма мурзы шертовали ему измѣннику¹⁾, и дали ему заложниковъ: Иште-рекъ и Тинмаметь—сыновей, а Кара-Калмаметь—родного брата²⁾.

Они клялись ему на коранѣ „итти на весну вскорѣ постомъ“ для осады Самары, а за ними слѣдомъ намѣревался выступить „Волгою противъ льду въ стругахъ съ большимъ нарядомъ и военными пушками“ и самъ Заруцкій съ „Астраханскими ворами“.

Онъ дѣятельно готовился къ походу: заводилъ и покупалъ коней, кормилъ ихъ у себя на дворѣ, подновлялъ сбрую, снаряженіе, оружіе. Всѣ находившіеся по берегамъ струги и лодки велѣлъ собрать и перетащить въ Кремль³⁾.

Забывъ Бога, совѣсть и долгъ и жажда только крови и власти, Ивашка со злобой отринувъ присланныя ему отъ царя и освященнаго собора грамоты, съ требованіемъ прекратить смуту и принести раскаяніе, за что государь Михаилъ Ѳеодоровичъ обѣщалъ ему прощеніе и полное забвеніе его винъ⁴⁾.

Съ этого времени мятежный предводитель еще больше усилилъ свои неистовства, разгуливая съ татарами по окрестностямъ Астрахани, кормилъ и поилъ ихъ каждый день у себя на дворѣ, чтобы только удержать ихъ въ своей власти⁵⁾.

Выславъ въ Николинъ день (1613 г.) къ народу съ казакомъ Чуловымъ какую-то грамоту, онъ заставлялъ подписываться подъ ней всѣхъ—знатныхъ и не знатныхъ. Кто не исполнялъ этого требованія, тѣхъ били, мучили и на смерть побивали, не взирая на санъ и возрастъ. И много погибло тогда отъ руки злодѣя духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Не потворствовавшего ихъ смутѣ архіепископа Ѳеодосія мятежники схватили и заточили въ тюрьму при Троицкомъ монастырѣ⁶⁾.

1) Моск. арх. ин. д. Кабардин. столпы, Кор. 2, № 2.

2) Акты истор., т. III, № 258.

3) Тамъ же, № 248.

4) Тамъ же, № 64—65.

5) Собр. госуд. грам. и догов. III, № 20.

6) „Новыя ежемѣсяч. сочиненія“ 1789 г. XXXIII, стр. 91.—Монастырь этотъ, нынѣ упраздненный, находился въ такъ называемомъ каменномъ городѣ (въ Кремлѣ). Церковь Живоначальной Троицы обращена теперь въ теплый соборъ.

Воеводу князя Ив. Дм. Хворостинина убили¹⁾ и „многихъ добрыхъ людей въ ночи пытали на пыткѣ, жгли огнемъ, да съ отруба въ воду сажали. И по вся дни безпрестанно кровь проливають, казнятъ смертью многихъ людей и животы ихъ и достатки грабятъ“²⁾).

Неистовства Заруцкаго дошли до того, что онъ не убоился посягнуть на святость и неприкосновенность храмовъ Божіихъ, взявъ изъ Троицкой церкви серебряное кадило и сливъ изъ него сѣдельныя стрелы. Маринка запретила благовѣстити къ заутрени и звонить рано въ колокола, потому де, что отъ звона церковнаго „сынъ ея полошится“.

Но въ дѣйствительности, какъ думали и астраханцы, она боялась возстанія со стороны „ущемленныхъ“ жителей, ибо знала, что у Русскихъ существовалъ древній обычай по звону колокольному собираться не только на молитву, но и вершить общественныя дѣла и производить другія собранія для противодѣйствія враждебнымъ замысламъ или притѣсненіямъ алчныхъ воеводъ. Даже въ ту суровую пору обычныхъ пытокъ и дыбъ не могли быть довольны мирные люди такимъ кровавымъ правленіемъ, которое довело до того, что торговля и промышленность стали. Подвозъ съѣстныхъ припасовъ прекратился, такъ какъ рыскавшія кругомъ шайки татаръ грабили всѣхъ проѣзжихъ. Все вздорожало. Пудъ пшеницы дошелъ до 10 алтынъ. Пороха „пищальнаго“ хотя было много и продавали его по полугривнѣ; но свинца трудно было достать на базарѣ и за четыре алтына фунтъ.

Видимо, и самъ мятежный предводитель понималъ, что при такомъ положеніи и съ тѣми боевыми силами, которые были у него въ сборѣ,—не только нельзя рисковать походомъ на Самару, Казань и Москву, но трудно будетъ удержать въ своихъ рукахъ и Астрахань въ случаѣ возмущенія жителей или прихода царскихъ войскъ. Въ каменномъ городѣ было съ нимъ только 500 ранѣ прибывшихъ воровъ съ частью астраханскихъ казаковъ, да около 2-хъ тысячъ татаръ; тогда какъ прочихъ непроставшихъ къ его шайкѣ гражданъ насчитывалось болѣе 3000 человекъ³⁾.

Ожидая прибытія Терскихъ и Волжскихъ казаковъ, Заруцкій и Марина отправили „Филиповымъ постомъ“ въ Персію посольство. въ составѣ боярскаго сына Ивана Хохлова, Астраханца Якова Глядкова,

¹⁾ Моск. арх. Ин. дѣл. Кабардин. стол., кор. 2, № 5.

²⁾ Акты Истор. III, № 258.

³⁾ Тамъ же, № 258.

подъячаго Богдашки Накрачеева-Кораганъ, съ 5 стрѣльцами, и Персидскаго купчину Хузя-Муртазу, строго наказавъ имъ добиться отъ шаха Аббаса присылки къ нимъ на помощь 500 вооруженныхъ воиновъ „изъ ближней его думы“, запасовъ хлѣбныхъ и денежной казны.

Терцы, чрезъ владѣнія которыхъ лежалъ путь гонцовъ, свободно, безъ задержки пропустили ихъ и проводили даже до Дербента. А когда провожатые вернулись обратно на Терекъ, они послали къ Заруцкому съ извѣщеніемъ о благополучномъ проѣздѣ посольства трехъ стрѣльцовъ, наказавъ имъ сказать ему, что также готовы „промышлять вашимъ дѣломъ“.

Безъ сомнѣнія, такое намѣреніе ихъ могло окончиться печально для тамошняго края, а особенно для цѣлости Русскаго государства, такъ какъ еще плохо закрѣпленный за Московскимъ престоломъ съ мало-надежными туземными племенами Кавказъ, подпавши подъ кровавую десницу Заруцкаго и Марины, могъ легко отложиться отъ своей покровительницы къ Персіи или Турціи, какъ о томъ замышлялъ и мятежный предводитель¹⁾.

Видя неспокойное настроеніе жителей, Мурза Сюнчалей Янгалычевъ, посовѣтовавшись съ воеводой Петр. Петров. Головинымъ, рѣшился, ради успокоенія умовъ, самъ съѣздить къ Заруцкому, чтобы удостовѣриться,—подлинно ли именующій себя „супругомъ царицы Марины“ есть тотъ самый первый самозванецъ, котораго онъ зналъ лично.

Повѣхалъ онъ туда съ „окочанами“ и пробылъ „у Ивашки на дворѣ съ недѣлю“, „пилъ, ѣлъ и угощался на его счетъ“²⁾. Никто не зналъ, что говорилъ съ нимъ Заруцкій и съ какими мыслями хитрый кабардинецъ отправился обратно на Терекъ. Но онъ понялъ, конечно, что имѣеть дѣло не съ „истиннымъ“ царемъ, а съ мятежнымъ предводителемъ, и видѣлъ также, какія неистовства творить тамъ послѣдній. По пріѣздѣ въ г. Терки, Мурза рассказалъ тамошнимъ жителямъ о происходившихъ въ Астрахани злодѣйствахъ, совѣтуя воеводѣ Головину послать рать противъ воровъ. Но Терцы колебались, не зная, на что рѣшиться и что предпринять. Однако обѣщанной помощи не спѣшили ему послать. Когда же онъ, не дождавшись отъ нихъ этой присылки,

¹⁾ Моск. Инос. арх. Персидс. дѣла 1614—15 г. № 2.

²⁾ Акты Истор. т. III, № 248.

сталъ съ гнѣвомъ настойчиво требовать высылки къ нему воеводы Головина, чтобы наказать его за ослушаніе, Терцы грубо отвѣтили прибывшимъ къ нимъ съ повелѣніемъ мятежника Астраханскимъ казакамъ.

— Али вы хотите сдѣлать то же съ Петромъ, что сдѣлали съ княземъ Хворостининымъ? Не быть намъ съ вами въ воровскомъ совѣтѣ! Не отстать намъ отъ Московскихъ чудотворцевъ!¹⁾

Наступившія вскорѣ послѣ того новыя обстоятельства окончательно открыли имъ глаза, какія могли быть послѣдствія отъ сообщничества съ „губителемъ душъ хрестыянскихъ“.

III.

Получивши неблагопріятный отвѣтъ отъ Терцевъ, Заруцкій, желая кѣмъ либо усилить свою рать, послалъ къ волжскимъ казакамъ атамана Мишку Ратцова, требуя, чтобы „атаманы и казаки шли съ нимъ на весну подъ Самарскій городъ и подъ Казань“, „а я васъ за то пожалую тѣмъ, чего у васъ и на разумѣ нѣтъ“²⁾.

Посланіе его прибыло на Волгу въ то самое время, когда тамъ была получена увѣщательная съ Дона грамота, приглашавшая волженцевъ не вѣрять Заруцкому, Маринкѣ и астраханскимъ ворами, а покориться „праведному“ государю Михаилу Ѳеодоровичу.

Всѣ казаки, кромѣ станицы атамана Верзилина, отложились тогда отъ мятежника, проклинали и „давали“ его съ „ворухой и воранкомъ“. Хотѣли смутьяна Мишку въ воду посадить, но потомъ отдали его „за пристава“. Они намѣревались, собравшись въ числѣ 500 человекъ, итти преградить путь Ногайскому князю Иштереку, когда тотъ „полѣзетъ съ крымской на Ногайскую сторону“, погромить весной татарскія юрты подъ Астраханью и не допустить соединиться съ шайкой Заруцкаго ожидаемыхъ отъ Персидскаго шаха ратныхъ людей въ „бусахъ“.

Мятежникъ озлобился, получивъ о томъ извѣстіе. Не надѣясь болѣе на помощь казаковъ, онъ задумалъ использовать послѣднюю мѣру для возбужденія въ краѣ возстанія.

¹⁾ Моск. арх. Иност.—Кабардин. св. 2, № 2.—Акты Истор. III, № 257.

²⁾ Акты истор. III, № 248.

Великимъ постомъ 1614 года послалъ онъ своего приспѣшника Михалку Чернаго въ Бол. Кабарду, чтобы переманить черкесь на свою сторону. Но и на этотъ разъ замыселъ его не удался. Подбадриваемые Сюнчалеемъ и Головинымъ терцы, враждебно теперь настроенные противъ него, перехватили Михалку на Сухой Бороздѣ, въ 20 верст. отъ г. Терка, и привели къ воеводѣ. Тотъ сначала не хотѣлъ говорить, зачѣмъ прибылъ на Кавказъ, но послѣ, когда „Петръ Головинъ съ міромъ того Михалка на пыткѣ пытали“, онъ развязалъ языкъ и повѣдалъ о намѣреніяхъ Ивашки, что „на Великъ день (т. е. на Пасху) хочеть онъ быть на Терекѣ, Петра Головина и многихъ людей казнить, а его, Михалка, послалъ поднять кабардинскихъ князей и черкесь итти на Русь войною¹⁾).

Услышавъ такую вѣсть, Головинъ, Сюнчалея, всѣ вольные атаманы и казаки и прочіе служилые и жилецкіе люди „тому обрадовались и великому государю крестъ цѣловали тотчасъ, и князей и мурзъ черкасскихъ, которые были на Терекѣ, къ шерти привели, а у иныхъ атамановъ взяли“. Послѣ того, „учиня со всѣми межъ себя благосоюзный совѣтъ, къ астраханскимъ всякихъ чиновъ людемъ послали отписку, чтобы они, помня Бога и души свои и прежнихъ великихъ государей къ себѣ жалованье, отъ такого злого Ивашкина воровства и отъ Маринки отстали и великому государю де били челомъ и вины свои принесли“²⁾).

Въ то же время мурза Сюнчалея разослалъ отъ себя грамоты въ Кабарду и Кумыки къ тамошнимъ князьямъ и мурзамъ съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ законнаго Государя Михаила Феодоровича. Узнавъ о томъ, „князь Гирей съ братьею, Алибекъ, князь Казы-Кумыцкій; Сурхай, зн. Карабулацкій, Маметь-ханъ-мурза съ братью Тарковскіе и иные Кумыцкіе князи съ узденями; Солохъ, князь Кабардинскій, Казы-Мурза Шептуковъ, Аитесь-Мурза Алкасовъ и Мурда-Мурза съ узденями по своей вѣрѣ принесли присягу, шертовали, и государю служить и прямять“³⁾).

Такимъ образомъ, благодаря энергичнымъ и умѣлымъ дѣйствіямъ Сюнчалея, весь богатый Кавказскій край, начиная отъ владѣній шамхала Тарковского, Земля Кумыцкая, съ Мичкизами (чеченцы), Окохами

¹⁾ Собран. госуд. Грам. и догов. т. III, № 20.

²⁾ Моск. иностр. архивъ, Кабардин. стол. 1614 г. № 2 и 5.

³⁾ Тамъ же. Изъ отписки Головину царю 5 іюня 1614 года въ дѣл. Кабардин. № 3.

(окочане) и Осетинами, и объ Кабарды до урочища Бештау (пять горь),—остался по прежнему въ подданствѣ Русскаго царя, подтвердивъ ему на вѣки свою преданность, что неоспоримо имѣло громадное значеніе, какъ для крѣпости Московскаго трона, такъ и для усиленія могущества Россіи среди сосѣднихъ Государствъ: Персіи, Грузіи, Турціи и Крыма. Московскій дворъ ясно сознавалъ эту великую услугу Мурзы Сюнчалея и главнаго Кабардинскаго князя Солоха, и по полученіи отъ Головина донесенія о томъ, изъ Москвы были присланы, „по большомъ царскомъ титулѣ“ похвальныя „за службу и вѣрность“ грамоты Сюнчалею (въ іюнѣ 1614 года) и Солоху (13 августа того же года)*). Въ первой изъ нихъ, между прочимъ, говорилось:

„Ты, Сюнчалея Мурза, помня къ себѣ прежнихъ великихъ государей, царей Россійскихъ, предковъ нашихъ, милость и жалованье, и свою правду, и обѣщанія, въ то смутное время ни къ которому нашему недругу не присталъ и воровской смутѣ вѣдомаго вора Ивашка Заруцкаго не повѣрилъ, а какъ ты про насъ, великаго государя, слышалъ, что, по Божьей милости и, по избранію всякихъ чиновъ людей всего Россійскаго царства, учинились мы, Вел. Г-рь, на вашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго царства Государемъ, царемъ и вел. княземъ всея Русіи самодержцемъ, тому есте порадовались и учинились подъ нашею царскою высокою рукою и намъ служите и прямите, и надъ воромъ Ивашкой Заруцкимъ съ нашими терскими воеводами и ратными людьми сопча промышляете.—И ты-бъ, Сюнчалея мурза, впредь на нашу царскую милость и жалованье во всемъ былъ надеженъ и наше царское жалованье будетъ тебѣ вскорѣ“.

По полученіи обвѣстительной отъ царя грамоты, присланной въ Кабарду изъ г. Терка съ боярскимъ сыномъ Петромъ Смагинымъ, черкесскіе владѣльцы Шолохъ (Солохъ) князь, Казы-мурза Шептуковъ, Мурдаръ-мурза Алкасовъ, Куденекъ-мурза Камбулатовъ, Нарчовъ-мурза Бузлуковъ, Айтековы дѣти, въ томъ же 1614 году, дали въ присутствіи этого посланца, шертную запись „за себя, за братью свою, за дѣтей: большихъ и меньшихъ, и за всѣхъ улусныхъ людей: лучшихъ, середнихъ и черныхъ“, служить великому государю царю Михаилу Феодоровичу до своего живота и быть подъ его высокою рукою въ прямомъ холопствѣ на вѣки неотступнымъ, „гдѣ намъ великій государь велитъ быти на своей службѣ“, обѣщаясь при этомъ „съ воромъ Ивашкомъ Заруцкимъ и съ Маринкою, и съ сыномъ ея ни на которое дурно не

*) Тамъ же. Грамоты Кабардин. № 3 и 5.

ссылатись, и хотя они учнутъ намъ присылать и наговаривать на которое дурно. и намъ того не слушати, а гдѣ будетъ наша мочь, и намъ надъ ними и надъ воры, которые государю не послушны, промышляти, сколько Богъ помочи дастъ, и вездѣ надъ ними поискъ учинить“¹⁾...

Однако не удалось имъ помѣрить свои силы въ противоборствѣ съ мятежнымъ предводителемъ. Еще не успѣла эта запись дойти по назначенію, когда въ Маѣ Заруцкій и вся его шайка были изгнаны изъ Астрахани и потерпѣли полное пораженіе на Яикѣ, куда злодѣи хотѣли скрыться отъ преслѣдованія царскихъ войскъ.

IV.

На шестой недѣли Великаго поста, достигли съ увѣщательной грамотой посланные съ Терка въ Астрахань шесть казаковъ и стрѣльцовъ. Заруцкій предупредилъ ихъ посольство. Чтобы „про нихъ не пронеслось въ міру“, онъ велѣлъ схватить ихъ и посадилъ въ воду²⁾.

Злодѣй понялъ, что пѣсня его спѣта! Терекъ не спроста прислалъ къ его сообщникамъ требованіе смириться предъ законной царской властью. Онъ узналъ, что воевода Головинъ и мурза Сюнчалей, котораго онъ такъ недавно ласкалъ и угощалъ вкусно, спѣшно готовили противъ него рать. Слѣдомъ за отправленными гонцами выступила она, подъ начальствомъ стрѣлцаго головы Василя Хохлова³⁾. Главную силу ея составляли 500 терскихъ вольныхъ казаковъ съ ихъ атаманамы, которые не приняли до того никакого участія ни въ мятежныхъ смутахъ сердца Руси, ни въ волненіяхъ жителей г. Терка. Остальные двѣсти чловѣкъ были набраны изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, сотниковъ, стрѣльцовъ, окоченъ, новокрещенъ и прочихъ служилыхъ людей.

Провѣдавъ о томъ, проникнутый кровожадными чувствами, злодѣй рѣшился для спасенія себя и Маринки съ сыномъ на самый дикій безчеловѣчный поступокъ, въ которомъ вызвались помогать ему только что прибывшіе въ Астрахань 500 волжскихъ казаковъ. Ради добычи и широкаго разгула, изверги эти забыли недавнія, данныя

¹⁾ Тамъ же. Кабардин. грамота № 4.

²⁾ Акты истор., т. III, № 269.

³⁾ Напомнимъ, того самаго, котораго, при царѣ Василю Шуйскомъ, мучили и били терцы за его приверженность къ престолу и настойчивое требованіе присягнуть царю.

донцамъ, обѣщанія и снова измѣнили царю, Руси матушкѣ и вѣрѣ православной.

Съ ихъ помощью Ивашка задумалъ покончить съ астраханцами, которые не были ему преданы. Для того онъ распорядился послать изъ нихъ 700 служилыхъ людей на взморье для обереганія будто бы бусь, а 300 отправилъ въ Карабазу, остальныхъ хотѣлъ побить во время заутрени на Свѣтлое Христово Воскресенье, а „животы ихъ пограбить“.

Жители узнали объ его адскихъ замыслахъ. „И въ среду на страстной недѣлѣ“ загорѣлся между ними бой. Три тысячи астраханцевъ засѣли въ Острогъ. Къ нимъ присоединились юртовскіе татары, которые „зарубили Ивашкиныхъ воровъ трехъ человекъ“. Заруцкій и Марина съ сообщниками и прибывшими волженцами, человекъ до 800, заперлись въ Кремлѣ, откуда предводитель велѣлъ „весь нарядъ съ города по посаду изъ острога нарядомъ выбить“¹⁾.

Но какъ разъ въ это время подоспѣла прибывшая съ Терка рать, остановившись на Царевой протокѣ, въ 2 верст. ниже города. Горожане толпами устремились туда „на Государево имя“. Ихъ выбѣжало до 2 тыс. мужчинъ „съ вынненнымъ боемъ“, да 6 тыс. женъ и дѣтей.

Услышавъ про приходъ царскихъ войскъ, отложился отъ мятежника князь Иштерекъ съ своими улусами и пошелъ за Терекъ подъ Черкасскія горы. Также Янарасланбековы татары убѣжали на Цареву протоку. Ивашка успѣлъ задержать въ Каменномъ городѣ только одного Янараслана, котораго воровскіе казаки встацили туда черезъ стѣну на веревкѣ.

Всѣхъ прибывшихъ Василій Хохловъ привелъ къ присягѣ царю Михаилу Ѳедоровичу и „сталъ надъ ворами поискъ чинить“, донеся о своемъ прибытіи въ Самару воеводѣ князю Дмитрію Пожарскому.

Послѣдній только 17 Мая получилъ эту отписку и сообщилъ о томъ князю Ивану Никит. Одоевскому, которому была поручена отъ царя поимка Заруцкаго и Марины. Бояринъ „на спѣхъ“ собралъ четыре стрѣлецкихъ приказа и послалъ ихъ на подмогу къ Василю, а 19 Мая самъ выступилъ туда „со многими ратными людьми“²⁾.

1) Моск. Иност. арх. Кабардин. дѣла, корт. 2, № 5.

2) Тамъ же, корт. 2, №№ 1 и 2.

Тѣмъ временемъ Хохловъ, усилившись астраханскими выходцами и татарскими, послалъ терцевъ на приступъ. Заруцкій выслалъ противъ нихъ вылазку. Началось отчаянное кровопролитіе не на животь, а на смерть. Но какъ ни бились храбро бунтовщики, терцы сломали ихъ и въ безпорядкѣ прогнали подъ прикрытіе кремлевскихъ стѣнъ.

Не больше тысячи осталось у Заруцкаго разношерстной рати, да и на тѣхъ теперъ была плоха надежда. Волжскіе казаки колебались, видя, что Ивашкино дѣло проиграно. Какъ носился слухъ, они ждали только прихода сверху царскихъ войскъ, чтобы связать его и бить Государю челомъ. Дабы преградить ему путь къ побѣгу, они сторожили по ночамъ около струговъ, а днемъ слѣдили за нимъ въ городѣ. Однако на третей недѣлѣ послѣ Пасхи, съ Четверга на Пятницу, мятежникъ уговорилъ ихъ и, захвативъ Маринку съ сыномъ и ея приближенными, скрылся изъ Астрахани вверхъ по Волгѣ на р. Болду, въ 3 верст. отъ города, гдѣ пробылъ три дня и три ночи *).

Этимъ случаемъ воспользовался голова Хохловъ; вошелъ съ своимъ войскомъ въ городъ и, приведя всѣхъ жителей „къ крестному цѣлованію“, разставилъ всюду караулы и сторожа, дабы „воры не прошли ночнымъ временемъ протокою на низъ мимо Астрахани“.

На утренней зарѣ четвертаго дня, когда бдительность стражей отъ переутомленія нѣсколько притупилась, Заруцкій съ 1050 оставшихся при немъ воровъ, на 93 стругахъ, ринулся внизъ по Волгѣ въ Каспійское море. Стрѣльцы и терскіе казаки переняли ихъ. Произшелъ жаркій бой на водѣ. Терцы побили бунтовщиковъ, „многихъ живьемъ поймали, а иныхъ въ водѣ потопили и гонялись за ними цѣлый день“. Въ стычкѣ этой были захвачены тетка Маринкина литовка Варвара Казановская, слуга ея Ивашка Попруцкій, литовскій поць Антонъ да 160 волжскихъ казаковъ съ атаманомъ Иваномъ Аванасьевымъ. Съ немногими сообщниками успѣли улизнуть въ Каспійское море мятежные предводители. Изъ 93 струговъ осталось у нихъ только 33, а прочіе были разбиты, потоплены и частью „взяты живьемъ“.

Слухъ о побѣдѣ быстро распространился по окрестностямъ. И потекли подъ защиту царскихъ войскъ всѣ забитые, загнанные и „ущемленные“. Астрахань стала поправляться и оживать.

*) Акты истор. т. III, № 278.

Слѣдовавшій сверху по Волгѣ князь Одоевскій узналъ о пораженіи Заруцкаго отъ кн. Иштерека „на стану противъ Сарпы“. вмѣсто того, чтобы торопиться съ своими войсками для розыска бѣжавшаго мятежника, онъ, не спѣша, плылъ съ своею ратью, посылая Хохлову грамоту за грамотой, требуя отъ него почестей и подчиненія. 27 Мая прислалъ онъ ему строгій наказъ, отнюдь не посылать въ Москву „станцу“ съ извѣстіемъ о пораженіи Заруцкаго¹⁾. Но Хохловъ еще до полученія этого приказа отправилъ въ Москву терскаго коннаго сотника Василя Смагина съ отписками.

По дорогѣ, въ 120 верст. отъ Астрахани, у Катериновки Одоевскій перенялъ его, отобралъ у него грамоты, велѣлъ переписать ихъ, какъ ему было надобно, и уже отъ себя послалъ ихъ къ царю съ тѣмъ же гонцомъ.

Князь особенно настаивалъ на устройствѣ ему торжественной встрѣчи, такъ какъ въ отрядѣ его несли чудотворный образъ Казанской Богоматери. 29 Мая онъ предписывалъ Хохлову выслать версть за 20—30-ть „въ лучшихъ одеждахъ“ поповъ „со кресты“ и всѣхъ терскихъ и астраханскихъ людей „по половинкамъ“, требуя „очистки“ для него и свиты дворовъ боярскаго, воеводскаго и „дьячего“²⁾. Дойдя на другой день до острова Енотаева, онъ перемѣнилъ свое рѣшеніе и приказалъ прислать на встрѣчу за 10—15 верствъ только тѣхъ астраханцевъ и терцевъ, „у которыхъ струги есть“³⁾.

Повидимому, завидовалъ онъ, что побѣда надъ Заруцкимъ досталась не ему, хотя могъ бы получить ее давно, если бы не сидѣлъ безъ дѣла съ своими стрѣльцами всю зиму въ Казани. Тѣ полки, которые, по требованію князя Пожарскаго, онъ отправилъ въ Астрахань, можно было бы еще по зимнему пути переправить туда 2—3-мя мѣсяцами раньше, когда мятежникамъ не было выхода изъ города и ихъ свободно можно было перехватить на мѣстѣ.

Чтобы умалить предъ царемъ совершенный терцами геройскій подвигъ, Одоевскій тотчасъ же, по прибытіи въ Астрахань, отослалъ ихъ обратно на Терекъ, пославъ въ погоню за Мариной и Заруцкимъ, которые успѣли перебраться на Яикъ, верховыхъ и часть астрахан-

1) Акты Истор. т. III, № 270.

2) Тамъ же № 280.

3) Тамъ же, № 281.

сихъ стрѣльцовъ. Но прибывшій слѣдомъ за Смагинымъ въ Москву голова Василій Хохловъ повѣдалъ Государю о заслугахъ терскихъ ратныхъ людей.

Вслѣдствіе этого 21 Іюня 1614 года была дана имъ „похвальная“ грамота, а мѣсяцъ спустя, „Іюля въ 25 день Государь, Царь и Великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ (дворянину) Дмитрію Семеновичу Погожеву ѣхати въ свою государеву отчину, въ Астрахань, къ своему государеву боярину и воеводѣ къ князю Ивану Никитичу Одоевскому съ товарищи, съ своимъ государевымъ жалованнымъ словомъ, да къ крайнимъ ко всякимъ людямъ, которые пришли подъ Астрахань съ головою съ Васиіемъ Хохловымъ, и къ ногайскимъ къ Канай мурзѣ съ братьею и съ дѣтми и съ племянники, и къ юртовскимъ татарамъ, и къ астраханскимъ ко всякимъ людямъ, которые стояли подъ Астраханью и надъ воромъ надъ Ивашкомъ Заруцкимъ, и надъ Маринкою, и надъ Астраханью Государевымъ дѣломъ промышляли и государю служили съ Васиіемъ Хохловымъ вмѣстѣ; да на Терекъ къ воеводѣ къ Петру Петровичу Головину, да къ Санчулею, мурзѣ Янгалычеву, и ко всякимъ терскимъ служилымъ и жилецкимъ людямъ, и къ кабардинскимъ и къ кумыцкимъ князьямъ и мурзамъ, съ своимъ государевымъ жалованнымъ словомъ и съ жалованьемъ золотыми“ *).

По пріѣздѣ въ Терки, Погожеву велѣно было сказать собравшимся въ „сѣѣзжей избѣ“ тамошнимъ чинамъ и жителямъ, послѣ опроса о ихъ здоровьѣ:

„А ты-бъ воевода, князь Петръ Петровичъ и Сюнчалей Янгалычевичъ, и дворяне, и дѣти боярскіе, и сотники, и атаманы, и казаки, и стрѣльцы, и всякіе служилые терскіе люди, видя надъ нами, великимъ государемъ, милость Божію и нашу царскую милость къ себѣ и призрѣніе, какъ есте начали намъ, вел. г—рю, служить, такъ бы и содержали—намъ служили и прямили и надъ воромъ Ивашкой Заруцкимъ и надъ Маринкою съ сыномъ промышляли неослабно, сколько вамъ милосердный Богъ подастъ. И ты, Сюнчалей Янгалычевичъ, былъ подъ нашею царскою высокою рукою на вѣки неотступнымъ. А мы, вел. г—ръ, васъ учнемъ жаловати и держати въ нашемъ царскомъ жалованьи и въ призрѣнїи свѣше прежняго и учнемъ къ вамъ присылать съ нашимъ жалованьемъ ежегодно безпереводно, какъ бывало при прежнихъ великихъ государехъ, царехъ російскихъ, предковъ

*) Моск. иност. архивъ, дѣла Кабардинс., кор. 2, № 5.

нашихъ, и ту вашу службу учинили на вѣки памятную дѣтямъ вашимъ и внучатамъ, и вы-бъ намъ, вел. г—рю, однолично служили, и на нашу царскую милость и жалованье были во всемъ надежны, а наша царская милость будетъ къ вамъ неперемѣнна¹⁾.

Послѣ этой рѣчи были розданы подарки Кабардинскимъ, Кумыцкимъ и Тарковскимъ владѣльцамъ. Высшія награды пожалованы: Сюнчалею мурзѣ, князю Солоху, Казыю Шептукову и князю Куденеку Камбулатову—по шубѣ на соболяхъ, подъ камкою, съ серебряными пуговицами, стоимостью въ 30 руб., да по пятирублевой шапкѣ каждому. Прочимъ служилымъ людямъ и казакамъ были даны денежныя награжденія. Всего роздалъ Погожевъ въ Астрахани и Теркахъ 1693 р. „съ полтиною“.

Но еще раньше этого, грамотой отъ 10—17 Іюня, государь повелѣлъ, по отпискѣ воеводы Головина, выдать мурзѣ Сюнчалею неполученнаго имъ за девять лѣтъ „окладного“ жалованья²⁾.

Наконецъ въ слѣдующемъ году, грамотой 21 Марта, „за многія службы и радѣніе“ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ его „княжимъ именемъ“ и велѣлъ ему „быти надъ окочены надо всѣми и надъ черкасы, которые намъ, великому государю, служить на Теркѣ, княземъ“³⁾.

Въ концѣ того же 1615 года, Сюнчалею, князь Куденекъ и братъ его Шегунукъ ѣздили въ Москву принести лично царю поздравленія и засвидѣтельствовать ему и Россіи вѣрность ихъ и кабардинскаго народа. На торжественномъ приѣмѣ, въ Дворцовой палатѣ, 6 Января 1616 года, Куденекъ сказалъ царю: „Дай Господи,—ты, великій государь нашъ, здоровъ былъ и многолѣтенъ на своихъ государствахъ и чтобъ вамъ, вел. г—рю, подаровалъ Богъ счастливое пребываніе и надо всѣми вашими недругами побѣду и одолѣніе и чтобъ на всѣхъ вашихъ недруговъ была ваша царская сабля, а мы, холопи твои, противъ вашего царскаго величества недруговъ, гдѣ ваше царское повелѣніе ни будетъ, вездѣ до смерти живота своего служить готовы“⁴⁾.

1) Тамъ же, № 3 и 5 за 1614 г.

2) Акты истор. III, № 21.

3) Мос. иност. арх., кабардин. грамота № 6.

4) Тамъ же, дѣла Кабардинск. за 1615 г. № 5,

Государь спрашивалъ пословъ объ ихъ здоровьѣ, благодарилъ за приведенныхъ ему въ подарокъ трехъ кровныхъ кабардинскихъ аргамаковъ и повелѣлъ дьяку Петру Третьякову „молвить“.

— Куденекъ, Сюнчалеи, Шегунукъ! Писали къ нашему царскому величеству съ Терки воеводы, какъ, по волѣ и милости всемогущаго Бога, училилися великимъ государемъ, и вы тому обрадовались и, похотя себѣ нашего жалованья, учинились подъ нашею царскою рукою и шерть дали быть на вѣки не отступными. Да ты-жъ, Сюнчалеи князь, совѣтовавъ съ нашими терскими воеводы, посылалъ нашихъ ратныхъ людей подъ нашу отчину Астрахань на воровъ Ивашки Заруцкаго съ товарищи, и Божіею милостью и нашимъ царскимъ счастьемъ, а бояръ нашихъ и воеводъ и *твою службою*, наша отчина, Царство Астраханское, отъ воровскіе смуты очистилась“.

Отъ имени царя отмѣтилъ дьякъ и заслугу Сюнчалея по укрѣпленію въ подданствѣ Россіи всей Кабарды и Кумыцкой земли, къ владѣльцамъ которыхъ писалъ онъ, „обвѣщаючи про наше государство“, за что царь и отличилъ его передъ прочими въ назначенныхъ награжденіяхъ, пожаловавъ ему: кубокъ двойчатъ, серебрянъ золоченъ, въ 3 гривенки 20 золотниковъ“, шуба— „бархатъ золотной на соболяхъ“ въ 50 руб., кафтанъ „камчатъ желтъ“ въ 10 руб., „однорядка багрецова червчата съ кружевомъ золотнымъ, пугвицы серебряны“, въ 15 р., шапка лисья черная въ 10 руб., сорокъ соболей 30 руб. и деньгами 70 руб. ¹⁾.

Не забыты были и прибывшіе съ нимъ и Куденекомъ 10 узденей (дворянъ), которымъ даны были подарки соотвѣтственно ихъ служебному положенію.

7 Апрѣля послы выѣхали изъ Москвы въ Кабарду, гдѣ рассказывали потомъ своимъ родичамъ о пышности Московскаго двора, о могуществѣ Россіи и особенно о ласковомъ приѣмѣ и милостивомъ словѣ юнаго царя, который обѣщалъ „держать ихъ въ призравніи и ото всѣхъ недруговъ въ оборонѣ и защищеніи свыше прежняго“ ²⁾.

П. Юдинъ.

¹⁾ Куденекъ и Шегунукъ получили такіе же кубки, шубы, кафтаны, однорядки шапки и соболей, но гораздо меньшей цѣнности; при чемъ первому дано деньгами 50 р., второму—40 руб.

²⁾ Моск. иностр. арх. дѣла Кабард. 1615 г. № 5.